

УДК 81'1

Т.В. Базжина, П.В. Басалаева, О.И. Северская
Москва, Россия

ЭВФЕМИЗМЫ В ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ И В ВОСПРИЯТИИ НАИВНЫХ НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА

Рассматривается эвфемия как феномен речевого воздействия и предпринимается исследование эвфемизмов, появившихся и/или получивших популярность в СМИ в 2014–2015 гг. и не попавших еще ни в словари, ни в научную литературу. Авторы обращаются к языковой рефлексии наивных носителей языка. Выводы базируются на эксперименте, в ходе которого респондентам достаточно репрезентативной группы (с учетом пола, возраста, образовательного уровня, социально-профессионального статуса) предъявлялись десять текстов, каждый из которых содержал один из наиболее частотных эвфемизмов. Эксперимент показал: публичный дискурс реализует воздействие на личность не только посредством языка, но главным образом – путем тиражирования шаблонных мыслей, образов, метафор, оценок, в формировании которых и участвуют эвфемизмы; сегодня нельзя говорить о прослеживаемом искажении восприятия информации, обусловленном обращением к эвфемии; эвфемизмы принадлежат, скорее, к пассивному словарному запасу наивных носителей языка. Эксперимент выявил и степень узнаваемости эвфемистических шаблонов: наиболее популярными оказались слова и выражения политической, экономической и социальной тематики.

Ключевые слова: политическая коммуникация, публичный дискурс, эвфемизмы, наивные носители языка, эксперимент.

Эвфемия – речевая стратегия воздействия на адресата с помощью эмоционально настраивающих тактик – достаточно хорошо изучена [Басовская 2014; Ковшова 2007; Сенчикова 2008; Саакян 2010]. Однако в дискурсивном поле появляются все новые эвфемизмы, а значение слов и выражений, выполняющих эвфемистическую роль, меняется в зависимости от социальных условий. Поэтому большой интерес сегодня представляет исследование состава современных (т. е. появившихся или особенно распространившихся в СМИ в 2014–2015 гг. и еще не получивших лексикографического представления) эвфемистических выражений и изучение как восприятия их носителями языка, так и способов оперирования говорящими языковыми единицами этого типа.

Л.П. Крысин определяет эвфемизм как «способ непрямого, перефразистического и при этом смягчающего обозначения предмета, свойства или действия...» [Крысин 1996: 391], тем самым указывая на перефразирование

как речевую стратегию, запускающую процедуру переобозначения. Смягчающее переименование слов и понятий в тех ситуациях, когда автор старается избежать острой оценочности, не желает задеть собеседника или говорит о деликатных вещах, требующих аккуратного обращения со словами, может использоваться не только с целью создания комфортных условий общения, но и в интересах адресата – например, для придания ему моральных сил (в частности, человеку можно сказать что он не *болен*, а не *вполне здоров*). Однако в современной речи у эвфемизмов появляется и функция примерной, неточной номинации – в этом случае говорящий сознательно избегает точного обозначения предмета речи (скажем, при замене «неприятной» единицы *сокращение* нейтрально и даже отчасти позитивно звучащими *санация, реструктуризация, оптимизация* и т. п.).

Вероятность появления эвфемизмов в речи тем выше, чем выше социальный контроль речевой ситуации. Сфера массовой коммуникации, будучи каналом, через который осуществляется функция социального контроля, реализует воздействие на личность не только посредством языка, но главным образом – путем тиражирования шаблонных мыслей, образов, оценок. И эвфемизмы, и эвфемия играют в этом процессе немаловажную роль, особенно это касается тех областей публичного дискурса, в которых речь идет об экономике и политике.

Как замечает М.Л. Ковшова, эвфемизмы в новых речевых стратегиях, подменяя понятия, сужая или расширяя значения слов, заменяя слова и выражения аббревиатурами, «выполняют не только традиционную функцию смягчения слов и выражений, но и рожают новый функционал неопредельных слов, затрудняя коммуникацию. <...> Выступление эксперта, политического или государственного деятеля, в последнее время – экономиста, требует от зрителя и слушателя недюжинных лингвистических, филологических и смысловых усилий, чтобы понять, о чём идёт речь» [Ковшова 2015]. При этом, по ее мнению, «наступление неопредельных слов» идет по следующим направлениям: подмена понятия, сужение / расширение значения слова, замена слов и выражений аббревиатурами [Ковшова 2015]. Действительно ли эвфемия затрудняет коммуникацию или же, напротив, становится импульсом к прояснению смысла сказанного, и был призван установить эксперимент, оценивающий восприятие наивными носителями языка эвфемизмов в медийном тексте [Басалаева 2015].

Для опросного листа был составлен (вручную, после просмотра более 2 000 текстов из ведущих общественно-политических изданий) список из девяти наиболее частотных (по данным базы Integrum) эвфемизмов: *пропорциональный ответ, несанкционированный отбор газа, неэффективные траты, нецелевое использование бюджетных средств, турбулентность, вывести из игры, обезвредить, АТО, маломобильные граждане*, к которым был добавлен маркер эвфемистической замены *мягко сказать* [Басалаева 2015: 35–36]. Эти десять выражений были предложены респонден-

там включенными в небольшой по объему текст (не более пяти предложений), взятый из печатных СМИ [Басалаева 2015: 73–75], при этом большинство текстов, вошедших в данный опрос, были связаны с внутренней и внешней политикой и экономикой: именно в этих социально значимых сферах ощущаются сегодня точки наибольшего напряжения и требуется вербальное смягчение разворачивающихся событий.

От опрашиваемых требовалось прочитать каждый из предложенных отрывков и пересказать сюжет своими словами, а затем отметить слова или выражения, которые, по их мнению, заменяют другие, неудобные или грубые, либо смягчают обозначение какого-либо предмета или явления. Кроме того, участникам опроса предлагалось составить свое предложение со словами, которые они сочли смягчающими / заменяющими другие, более неудобные или грубые [Басалаева 2015: 36]. Термин «эвфемизм» в опросном листе прямо не упоминался, чтобы исключить возможные трудности для имеющих неясное представление о том, что такое эвфемизмы, или не знающих значения этого слова вовсе.

В ходе проведенного исследования было опрошено 49 человек. Из них 57 % (28) мужчин и 43 % (21) женщин. Распределение возрастных категорий респондентов выглядит следующим образом: 37 % – 18–30 лет, 26 % – 31–45 и 37 % – 46–69. Что касается социально-профессионального статуса опрошенных, то среди них были инженерно-технические работники (42 %), студенты (12 %), служащие (12 %), работники сферы экономики и финансов (12 %), медики (10 %), менеджеры (6 %), представители творческих профессий (6 %). Основную массу опрошенных (72 %) составили люди с высшим образованием. Поскольку для правильной интерпретации результатов опроса важно, чтобы респонденты были хотя бы отчасти заинтересованы в содержащихся в предъявляемых текстовых отрывках экономических и политических новостях, предварительно ставился вопрос о регулярности получения ими информации такого типа из СМИ. Так, общественно-политические издания читали регулярно 12 % опрошенных, иногда – 35 %, редко – 47 %, никогда – 6 %. Все приведенные характеристики говорят о репрезентативности выбранной фокус-группы.

Первое сформулированное в опросном листе задание – пересказать своими словами содержание предъявленных отрывков – требовало от респондентов навыков аналитического мышления и должно было выявить их способность к пониманию текста. Его выполнили чуть более половины опрошенных, остальные отказались от задания, написав: «вопрос непонятен» или «затрудняюсь ответить». Несколько респондентов не просто отказались от пересказа, а выразили свое мнение по поводу того, о чем шла речь, например: *США – мастера ведения скрытой «войны» против неудобных*. Респонденты, заполнившие опросный лист подобным образом, выражали свою позицию, начиная со слов «Я за безопасность, но...», «Я не против, что...», «Я считаю, что...», «Конечно, плохо, что...» и т. д. Не-

которые пытались передать смысл отрывков анекдотически, например: *Как дела в России? – Воруют*, или прибегали к народной мудрости: *Вор у вора дубинку украл*. Иногда предъявленные сообщения вызывали столь эмоциональный отклик, что респондент отказывался выполнять задание исключительно на основании расхождения своих взглядов и суждений с информацией, изложенной в отрывке (например: *Это вранье, я не хочу комментировать. Все наоборот*).

Сложности, испытанные при выполнении первого задания даже теми, кто с ним вполне справился, объясняются прежде всего преимущественным интересом респондентов к аудиовизуальным, а не печатным каналам СМИ, и получению информации через новостную ленту социальных сетей, где общественно-политические вопросы представлены в чрезвычайно сжатой форме, причем с ориентацией на комментарии. Непонимание текста и отказ от его восприятия могут быть также связаны с отсутствием соответствующей модели [Дейк 2000: 143, 152] в знаниях носителей языка.

Во втором задании, напомним, опрошенным предлагалось в каждом из отрывков найти употребленные в них эвфемизмы.

Эвфемизм *маломобильные граждане* распознали 76 % респондентов. Это выражение появилось в 2014–2015 гг. как замена не только прямого именованного *инвалид*, но и более раннего эвфемизма *лицо с ограниченными физическими возможностями*, – например, в сообщении о новых правилах пользования метрополитеном, в которые включен пункт, касающийся передвижения в московском метро маломобильных граждан и пассажиров с детскими колясками (Известия. 2008. 22 сент.). Начав употребляться по соображениям политкорректности, оно, как и другие эвфемизмы такого рода – например, *особенные, солнечные дети*, заменившие *детей с синдромом Дауна и даунят*, – вошло в приветствующую обществом норму употребления, а потому легко «считалось».

Выражение *несанкционированный отбор газа*, встречающееся в СМИ уже не первый год, также было опознано большинством (в 78 % случаев). Это эвфемистически переосмысленный термин (в нефтегазовой отрасли *отбором* называется добыча, получение сырья из скважин и нефте- и газопроводов; часто упоминаются *отбор нефти/газа, годовой отбор из месторождения, отбор проб* и т. п.), ср.: *Показатель отбора газа по Единой системе газоснабжения (ЕСГ) в мае 2010 года составил 18,4 млрд кубометров, что составляет минимальный уровень за пятилетку* (Новый регион 2. 2010. 24 июня); *Вчера итальянская нефтегазовая группа ЭНИ сделала заявление о том, что вот уже неделю Газпром недопоставляет газ в Европу, и Риму приходится использовать свои стратегические запасы, а также просить граждан экономить топливо. "Газпром" в ответ заверил, что Россия выполняет свои обязательства по контракту и подчеркнул, что нехватка газа может объясняться тем, что Киев снова превышает санк-*

ционированный отбор газа (РИА. 26.01.2006). Сегодня это эвфемизм, заменяющий лексему *воровство*.

Эвфемизм *нецелевое использование бюджетных средств*, вуалирующий коррупцию и хищение, распознали 65 % опрошенных в сообщении о том, что *практически не контролируемая обществом городская власть зачастую злоупотребляла нецелевым использованием бюджетных средств, вольничала в сфере приватизации городского имущества, а эффективность сводилась к минимуму* (Независимая газета. 2014. 10 апр.). О криминальном характере подобных трат иногда говорится и прямо: *за нецелевое расходование бюджетных средств в УК РФ предусмотрено наказание до 5 лет тюрьмы* (Новые Известия. 2014. 4 февр.). Тема хищения и присваивания государственных средств всегда волновала российское общество, поэтому этот эвфемизм вызвал особенно эмоциональные комментарии.

Неэффективные траты были распознаны лишь 29 % респондентов, что неудивительно, так как эвфемистическая функция данной единицы выражена слабее: *В ближайшие три года власти должны ежегодно снижать издержки и неэффективные траты бюджета не менее чем на 5 % от общих расходов* (Торгово-промышленные ведомости. 2014. 5 дек.) – в подобных контекстах речь может действительно идти не столько о воровстве, сколько об экономической эффективности.

Эвфемизм *финансовая турбулентность* получил широкое распространение совсем недавно, когда термин *кризис* начал вымываться из экономических новостей, связанных вначале только с Россией, а затем и со всем миром (подробнее см.: [Басалаева 2015: 42–44]). Основу выражения составляет прозрачная метафора: *Описывая ситуацию в экономике на прошедшей на днях большой пресс-конференции, Владимир Путин использовал слово «турбулентность». Как в самолете, когда начинает трясти. Но если у тех, кто «летит» первым классом, почти все хорошо, то в экономном классе, где и сидит большинство россиян, от финансовой болтанки начинает уже подташнивать* (Аргументы и факты. 2014. 24 дек.). Сильное потрясение, испытанное россиянами в ходе обвала рубля, заставило обратить на него внимание 71 % опрошенных: к началу 2015 г. *турбулентность* и *кризис* окончательно синонимизировались.

Пропорциональный ответ распознали 63 % респондентов. Этот эвфемизм представляет собой переосмысленный термин из языка дипломатии и имеет свою историю употребления. В Национальном корпусе русского языка (www.ruscorgo.ru) первые примеры появления выражения в СМИ датируются началом 2000-х гг., ср.: *Москва даст «адекватный и пропорциональный» ответ на высылку 50 российских дипломатов из США* (Комсомольская правда. 2001. 23 марта); *Сегодня Америка четко представляет себе, что такое пропорциональный ответ* (Труд-7. 2001. 26 окт.) и т. д. Однако после того как 19 декабря 2014 г. на ежегодной пресс-кон-

ференции в Белом доме президент США Барак Обама прокомментировал позицию США по поводу кибератаки на кинокомпанию Sony Pictures, предположительно совершенную северокаорейскими хакерами: *They caused a lot of damage and we will respond. We will **respond proportionally** and we'll respond in a place and time and manner that we choose, it's not something that I will announce here today at a press conference* – ‘Они нанесли большой ущерб и мы дадим ответ. Мы дадим **пропорциональный ответ** и мы дадим его в нужном месте, в свое время и таким образом, каким мы сочтем это необходимым, но это не будет оглашено на этой пресс-конференции’, – значение выражения обогатилось новыми, эвфемистическими смыслами. После этого выступления президента США в Северной Корее наблюдались перебои с доступом к Всемирной сети, и в какой-то момент Интернет был отключен больше чем на 9 часов. Эксперт ПИР-Центра Олег Демидов в интервью газете «Коммерсантъ» заявил, что не считает такой ответ «пропорциональным»: *От доступа к глобальному интернету в КНДР ничего не зависит. Вот если бы была взломана закрытая внутрикорейская сеть «Кванмен», это могло бы стать достойным ответом* (Коммерсантъ. 2014. 24 дек.). Иными словами, под *пропорциональным ответом* теперь понимается широкий спектр ответных действий, которые прямо не называются, но могут быть домыслены.

У этого эвфемизма появляются активно используемые в медиадискурсе синонимы. Например, *адекватный ответ*, когда речь идет об антироссийских санкциях, введенных США в марте 2014 г.: *МИД России **ответил адекватно** и обнародовал список представителей США, в отношении которых также введены санкции. При этом во внешнеполитическом ведомстве отметили, что разговаривать с Россией языком санкций контрпродуктивно и неуместно, а на каждый враждебный выпад будет найден **адекватный ответ*** (Известия. 2014. 20 марта). При этом могут иметься в виду как экономические ответные меры: *Меры, которые Запад продолжает применять против нас, в скором времени могут получить вполне **адекватный ответ**. <...> Наши «каратели» должны четко понимать, что если пытаются наказать Россию, скажем, в торгово-экономическом плане, то этот шаг будет иметь эффект бумеранга – сами же пострададут в первую очередь* (Парламентская газета. 2014. 4 апр.), – так и военно-политические: *Необходимо правильно просчитать развитие ситуации в мире – потенциальные угрозы безопасности страны. – На каждую из этих угроз должен быть найден достаточно **адекватный ответ**, – подчеркнул президент* (Комсомольская правда. 2014. 10 сент.). Кроме того, в СМИ встречается и *симметричный/асимметричный ответ*: *увольнения в ФСБ стали **симметричным ответом** на отставки в МВД – пострадали люди равноценных должностей* (РБК Daily. 2011. 9 февр.); *Российские военные продолжают публично раскладывать пасьянс военно-технических контрмер, которые могут стать **асимметричным ответом** на ПРО*

США в Европе (Комсомольская правда. 2008. 25 июля). И наконец – *зеркальный ответ: Минтранс РФ пообещал Киеву **зеркальный ответ** на запрет полетов. Если намерения Киева запретить на Украине полеты российских авиакомпаний будет реализовано, Москва примет **зеркальные ответные меры***, заявил министр транспорта РФ Максим Соколов (Интерфакс. 25.09.2015). Если в последних двух случаях еще сохраняется прозрачное терминологическое значение, то за *пропорциональным* и *адекватным ответами* стоит представление о любом виде агрессии, который ущемленная сторона считает «соразмерным» нанесенному ей ущербу, скрывающееся за вполне безобидной словесной оболочкой, что говорит об эвфемистичности соответствующих выражений.

Неочевидным эвфемизмом оказалось выражение *вывести из игры*. Его идентифицировал 31 % опрошенных. Затруднение, скорее всего, вызвано частым употреблением этого выражения в ситуациях, когда оно не прикрывает собой жестких действий, например: *часто утверждают, что меры по снижению выбросов парниковых газов – это выдумка... конкурентов, стремящихся **вывести из игры** «углеводородные» компании и страны* (Ведомости. 2010. 14 янв.) – т. е. представляет собой метафору, а не эвфемизм. Но иногда под этими словами может подразумеваться «грязная игра», неправомерные действия, незаконные махинации, как в предъявленном контексте: *The New York Times* пишет, что более строгий приговор Олегу Навальному, которого многие и раньше рассматривали как заложника в более крупной политической конфронтации, стал сюрпризом. «Это означает, что Кремль принял более изощренную и жестокую стратегию для подавления политической активности г-на Навального», считает издание. По мнению *NY Times*, этим приговором власти, возможно, стараются **вывести Навального из игры**, не превращая его в политического мученика (Ведомости. 2014. 30 дек.).

Выражение *обезвредить* распознали 29 % опрошенных, возможно потому, что уже – в силу своей частотности – не воспринимается как заменное и не привлекает внимания носителей языка. Эвфемизм же *обезвредить* используется сегодня в значении «убить» или «привести к состоянию, в котором невозможно действовать» и постоянно употребляется в публичном и политическом дискурсе при описании операций по захвату террористов и особо опасных преступников: *Кенийские власти намерены довести операцию до завершения, **обезвредив** террористов и освободив оставшихся заложников* (Известия. 2013. 23 сент.); *Когда психопат Виноградов стрелял по людям, один из них бросился на него с голыми руками и был тут же убит. Имел бы оружие – выжил бы сам, **обезвредил** бы подонка и других бы спас* (Военно-промышленный курьер. 2014. 5 февр.).

Аббревиатуру АТО (*антитеррористическая операция*) как эвфемизм определили только 12 % опрошенных. Такой результат можно объяснить

спецификой аббревиации: «Аббревиатуры являются прямыми наименованиями. В то же время от полных наименований их отличает некоторая смысловая неопределенность» [Сеничкина 2008: 13]. Косвенным подтверждением эвфемистической функции аббревиатуры АТО можно считать то, что некоторые опрошенные указали, что не знают ее точного значения; однако комментируя: *Не знаю, (что это) / не в курсе*, – респонденты, как правило, понимали общий смысл предъявленного предложения. Подобные комментарии, впрочем, сопровождали и другую встретившуюся в одном из отрывков аббревиатуру – СКР (*Следственный комитет России*) и иные «непонятные» слова.

Таким образом, наиболее популярными оказались эвфемизмы социальной, экономической и политической сфер как наиболее обсуждаемых в обществе.

Интересным было восприятие респондентами маркера эвфемистической стратегии *мягко сказать*. Более половины опрошенных испытали известное затруднение, столкнувшись с данным выражением. Большинство из тех, кто обратили внимание на маркер, также отметили и непосредственно следующий за ним эвфемизм: *Все разговоры о каких-то дефолтах, мягко сказать, преувеличение. Ну какой дефолт может быть при таком низком уровне государственного внешнего долга?* (Банковское обозрение. 2015. 2 февр.).

Существенно, что кроме эвфемизмов, выделение которых ожидалось, внимание участников опроса привлекли и другие смягчающие речь выражения.

В качестве примера можно привести анализ респондентами следующего отрывка, значащегося в листе опроса: *Возможная продажа Sony/ATV была упомянута в прошлом месяце в электронной переписке между топ-менеджерами компании. Эти электронные письма оказались в числе тысяч документов, доступ к которым несколько недель назад получили хакеры, пытавшиеся остановить выпуск в прокат фильма Sony Pictures «Интервью» – грубой комедии о заговоре с целью убить лидера Северной Кореи Ким Чен Ына. Американские власти обвинили в этой кибератаке Северную Корею, при этом президент Барак Обама на прошлой неделе пообещал «пропорциональный ответ». В понедельник в Северной Корее произошел сбой в работе интернета, однако США не взяли на себя за это ответственность* (RBC – Лента фондовых новостей. 24.12.2014). По мнению некоторых опрошенных, выражение *не взяли на себя ответственность* смягчает значение «не признались в содеянном»; выражение *доступ получили хакеры* вербально смягчает факт «взлома или кражи информации, вероятно потому, что взломали с “хорошей” целью». Выделение словосочетания *была упомянута* обосновывалось тем, что оно «звучит легко и незначительно, как не заслуживающее внимания, на самом же деле это значительное событие в мире бизнеса».

Кроме того, у многих статус заменных получили в ходе опроса выражения *дефолт, играть рублем, вольничать, политическая конфронтация, политический мученик, незаконные вооруженные формирования, диверсионно-террористическая группа, (русский) ваххабит* и др.

Эти примеры, как представляется, демонстрируют, что иногда очень трудно провести грань между смягчением и собственно эвфемизмом.

Третье задание подразумевало активное пользование эвфемизмами в собственных речевых произведениях и должно было выявить степень понимания значения выделенных ранее заменных слов. Из 49 опрошенных это задание выполнили или же попытались выполнить лишь 15 человек.

Предъявленные эвфемизмы характерны в основном для публичного (а также политического) дискурса и редко встречаются вне рамок радио, телевидения и печатных изданий. По этой причине большинство респондентов при составлении своих предложений предпочитали оставлять их в таком же либо сходном контексте: *Злоупотребление **нецелевым использованием средств** необходимо пресекать на всех уровнях государственного управления; Страна переживает сейчас период **финансовой турбулентности**; Беларусь готовит **пропорциональный ответ США** на введенные экономические санкции; В ночь на понедельник все члены йеменской ячейки Аль-Каиды были **обезврежены** силами безопасности страны* и т. п. – или же вовсе употребляли содержащиеся в эвфемистических выражениях слова в их прямых значениях. Это может говорить о том, что эвфемизм, хотя и воспринимается носителем языка, оказывается у него исключительно в пассивном запасе. А может и свидетельствовать о жестком разграничении словаря СМИ и словаря бытовой речи в сознании респондента.

Но были выявлены и попытки перенести эвфемизм из публичного дискурсивного пространства в свою индивидуальную речь. Например: *Увидев у жены очередную новую сумочку известного бренда, супруг грустно упрекнул ее в **неэффективной трате** семейного бюджета; У меня на работе сейчас очень плохо с зарплатой, так что у меня пока **финансовая турбулентность**; У нас кассир в универмаге часто злоупотребляет **нецелевым использованием бюджетных средств**, за что его скоро уволят, а может и оштрафуют; Мы просто шли по улице, как внезапно к нам подошли незнакомые люди и устроили **несанкционированный отбор** нашей мобильной электроники; Наши соседи вчера шумели до самого утра. На этой неделе они получают от нас свой **пропорциональный ответ**; У нас в подъезде поселились **незаконные вооруженные формирования**, и мы уж не знаем, как их теперь отсюда прогнать* и т. д. Более того – некоторые из опрошенных продемонстрировали способность включать эвфемизмы в языковую игру. Например, один из респондентов обыграл двойное значение слова *турбулентность*: *Уважаемые пассажиры! Наш самолет попал в зону **финансовой турбулентности**, приносим свои*

извинения за дыры в обивке кресел, заплесневелые обеды и неисправные спасательные жилеты!

Проведенное исследование показало, что даже при языковой компетенции на уровне «читаю, но не понимаю» референт эвфемизма наивным носителем языка определяется довольно точно. Так, в нескольких анкетах вместо пересказа предъявленных отрывков приводятся довольно точные толкования эвфемистических выражений: *пропорциональным ответом* называются *аналогичный ответ, аналогичная ответная реакция, ответные действия спецслужб, любые возможные ответные действия; (финансовой) турбулентности* сопоставляются *финансовый кризис, нестабильность, ситуация когда денег мало; те, кто грешат нецелевым использованием бюджетных средств, с точки зрения отдельных респондентов, относятся к ним как к личным, или же занимаются растратой; несанкционированный отбор газа* в этих анкетах определяется как *воровство; АТО* расшифровывается как *вооруженный конфликт; маломобильные граждане* называются *малоподвижными, пожилыми* или – жестче – *инвалидами*.

В одной из анкет представлен вполне адекватный пересказ содержания каждого из включающих эвфемизмы текстовых отрывков, а при выполнении задания по обнаружению выражений, смягчающих более грубые или «неудобные», предлагается своего рода стилистическая правка: *«вывести из игры»* следует заменить на *«отстранить от политической деятельности»*; *«маломобильный»* следует заменить на *«инвалид»* или *«лицо пожилого возраста»*; *«финансовая турбулентность»* следует заменить на *«экономическая нестабильность»*; этот респондент предлагает поправить и другие выделенные им смягчающие метафорические выражения, например *играющих с рублем* превратить в *зарабатывающих на падении рубля*. Иногда встречаются и прямые указания на эвфемизацию: **обезвредить – смягчение смысла** *«любой результат хорош – можно просто застрелить»*; *мягко сказать, преувеличение – т. е. наглая ложь*.

Есть и такие анкеты, в которых отсутствуют как пересказ, так и примеры индивидуального употребления смягчающих и заменных выражений, но сами эвфемизмы выделяются довольно четко.

Это позволяет предположить, что привычность обращения к источникам публичного дискурса, образовательные и профессиональные компетенции, а также возраст или гендерные характеристики того или иного респондента не определяют его способности распознавать эвфемизмы: они воспринимаются, а зачастую воспроизводятся наивными носителями языка как речевые клише, тиражируемые СМИ и легко узнаваемые именно в силу своей повторяемости. Эвфемизмы же отнюдь не затемняют смысл транслируемого в публичном дискурсе сообщения, а напротив, служат триггером (спусковым крючком) для поиска прямых значений, которые удивительно легко восстанавливаются. Иными словами, эвфемия в данном случае оказывается не более чем речевой стратегией Полишинеля.

Кроме того, порожденные публичным (политическим) дискурсом эвфемизмы нередко подвергаются на уровне восприятия дисфемизации.

В качестве примера можно привести, в частности, эвфемизмы времени российско-украинского конфликта в Крыму: *Первыми невидимками на полуострове стали «зелёные человечки», так называемые везжливые люди. О них говорят кто с иронией, кто с уважением* (Литературная газета. 2014. 9 апр.).

Или же рассмотреть словосочетание *гуманитарный конвой*. Оно заменило более раннее *гуманитарный обоз* (где *обоз* 'несколько подвод, повозок и т. п. с кладью, следующих друг за другом', но и 'в армии: транспортные средства для перевозки военных припасов, продовольствия и т. п., следующие за войсковыми частями', 'совокупность перевозных средств особого назначения'), хотя и сосуществует с ним как синоним – иногда даже в пределах одного текста, как в репортаже спецкора одной из газет: *Киевские силовики оккупировали нашу погранзаставу?! Оказалось не все так мрачно. Эти люди по нашей воле прибыли с украинской стороны через Таганрог, чтобы на российском погранпосту перед Изварино обыскивать наш **обоз с гуманитарной помощью**. Здесь же на нашем погранпосту бродят представители ОБСЕ и Красного Креста. <...> На вопрос: почему так долго Украина не пропускает **конвой**? – дальше зарубежье мне отвечало, что-де есть масса вопросов, которые необходимо еще с Киевом согласовать. <...> Сам же **гуманитарный обоз**, почти триста автомобилей, нашел я под городом Каменск-Шахтинском, в 35 километрах от Изварино. Он стоит на 42 градусной жаре, и когда соберется в путь пока тут никто не знает. <...> Когда я вернусь обратно, увижу по украинским телеканалам чудовищные картины от западных журналистов с комментариями такого плана: «Российский **гуманитарный конвой** больше напоминает военный. Вон сколько его там сопровождает военной техники! На всем пути барражируют вертолеты!». Украинцы еще и врежут в эти картинку зенитно-ракетные системы «Бук», «которые также следуют в составе **конвоя**!» <...> На самом деле народ в **обозе** собрался довольно мирный. Рассказывают, что с утра западные журналисты попросили их показать, что везут в машинах. Пожалуйста! Предложили журналистам на выбор открыть, обыскать любые несколько фур. Те обыскали, но не нашли ничего такого, что представляет угрозу Киеву (Комсомольская правда. 2014. 16 авг.). Замена была мотивирована, вероятно, отрицательными коннотациями слова *обоз* (ср.: *обоз* 'перен. о чем-н. отсталом, не поспевающим за ходом истории, задерживающем развитие'), которое оценочно нейтральному *конвою* в частоте употреблений в составе словосочетания уступило значительно (131 тыс. против 1 млн по статистике «Яндекса»). Однако в восприятии *гуманитарный конвой* приобрел не менее отрицательную окраску: *гуманитарный*, т. е. передающий идею любви к человеку, его характер почти не осознается, эта сема в значении подавляется семами 'вооруженный' и 'преступ-*

ник', присущими значению слова *конвой*, которое в языковом сознании связывается прежде всего с силовыми структурами (ср.: *конвой вошёл, под конвоем, отконвоировать арестованного*). Более того, наивные носители языка склонны квалифицировать *конвой* как средство транспортировки военных грузов, а *обоз* как нечто сугубо мирное, что и показывает в приведенном примере распределение словосочетаний по контекстам.

Можно сделать и еще одно заключение: субъекты политического публичного дискурса, стараясь вербально смягчить социальные, экономические и политические катаклизмы, нередко достигают обратного эффекта, языковое сознание носителей языка предложенные эвфемизмы отторгает и запускает процесс дисфемизации. В то же время само общество вырабатывает способы корректного обозначения деликатных проблем и ситуаций гуманитарного характера, и такие эвфемистические замены грубых и неуместных в этих ситуациях выражений, напротив, приживаются и становятся нормой.

Список литературы

1. *Басалаева П.В.* Функционирование эвфемизмов в публичном дискурсе и их восприятие носителями языка (по материалам СМИ): дипломная работа. М.: РГГУ, 2015. 151 с.
2. *Басовская Е.Н.* «Быть неполиткорректным...»: медиатекст и формирование нового концепта // Вестник РГГУ. Серия «Филологические науки. Журналистика. Литературная критика». 2014. № 12. С. 194–203.
3. *Дейк Т.А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
4. *Ковшова М.Л.* Минное поле русского языка // Русский мир. 2015. URL: <http://russkiymir.ru/publications/194438/>.
5. *Ковшова М.Л.* Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов. М.: Гнозис, 2007. 320 с.
6. *Крысин Л.П.* Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / отв. ред. Е.А. Земская. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 384–408.
7. *Саакян Л.Н.* Эвфемия как прагмалингвистическая категория в дискурсивной практике непрямого речевого убеждения: дис. ... канд. филол. наук. М.: ГИРЯП, 2010. 208 с.
8. *Сеничкина Е.П.* Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.

References

1. *Basalaeva P.V.* *Funktsionirovanie evfemizmov v publichnom diskurse i ikh vospriyatie nositelyami yazyka (po materialam SMI)* [The functioning of euphemisms in public discourse and their perception by native speakers (based on the media materials)], Thesis. Moscow, RGGU, 2015, 151 p.
2. *Basovskaya E.N.* “To be politically incorrect...”: mediatext and formation of a new concept [“Byt nepolitkorrektnym...”: mediatext i formirovanie novogo kontseptja].

Vestnik RGGU. Seriya «Filologicheskie nauki. Zhurnalistika. Literaturnaya kritika» – RSUH Bulletin. Series: Philology. Journalism. Literary Criticism, 2014, no. 12, pp. 194-203.

3. van Dijk T.A. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk, 2000. 308 p.

4. Kovshova M.L. Minefield of Russian language [Minnoe pole russkogo yazyka]. *Russkij mir* [Russian world], 2015, available at: <http://ruskiymir.ru/publications/194438/>.

5. Kovshova M.L. *Semantika i pragmatika evfemizmov. Kratkij tematicheskij slovar sovremennykh russkikh evfemizmov* [Semantics and pragmatics of euphemisms. Short thematic dictionary of modern Russian euphemisms]. Moscow, Gnosis, 2007. 320 p.

6. Krysin L.P. Euphemisms in modern Russian language [Evfemizmy v sovremennoj russkoj rechi]. Zemskaya E.A. (Ed.) *Russkij yazyk kontsa 20 stoletiya (1985-1995)* [Russian language of the late 20th century (1985-1995)]. Moscow, 1996, pp. 384-408.

7. Saakyan L.N. *Evfemiya kak pragmalingvisticheskaya kategoriya v diskursivnoj praktike nepryamogo rechevogo ubezhdeniya* [Eufemia as pragmalinguistic category in the discursive practice of indirect verbal persuasion], Dissertation of Candidate of Philological Sciences. Moscow, 2010. 208 p.

8. Senichkina E.P. *Slovar evfemizmov russkogo yazyka* [Dictionary of euphemisms of the Russian language]. Moscow, Flinta, Nauka, 2008. 464 p.

**T.V. Bazzhina, P.V. Basalaeva, O.I. Severskaya
Moscow, Russia**

EUPHEMISMS IN PUBLIC DISCOURSE AND IN NAIVE NATIVE-SPEAKERS PERCEPTION

The article discusses euphemy as a phenomenon of speech influence and initiate studies of euphemisms emerged and / or popularized by the media in the years 2014–2015 and have not got yet into any dictionaries or scientific literature. The authors refer to the linguistic consciousness and reflection of naive native-speakers. The study is based on experiments in which respondents (sufficiently representative by gender, age, educational level, socio-professional status) studied 10 texts containing the most frequent euphemisms. The experiment showed that public discourse affects not only through language, but, mostly, by replicating the pattern of thoughts, images, metaphors, ratings, which are formed also by euphemisms; it is impossible today to talk about the distortion of perception, caused by an appeal to euphemy; euphemisms belong rather to the passive vocabulary of naive speakers. The experiment also revealed a degree of recognition of euphemistically pattern: the most popular are the words and stereotyped expressions of the political, economic and social spheres.

Key words: political communication, public discourse, euphemisms, naive native-speakers, experiment.

Сведения об авторах:

Базжина Татьяна Владимовна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теоретической
и прикладной лингвистики
*Российский государственный гума-
нитарный университет*
125993, Россия, Москва, Миус-
ская пл., 6
E-mail: bazzhina@gmail.com

Басалаева Полина Васильевна,
аспирант кафедры теоретической
и прикладной лингвистики
*Российский государственный гума-
нитарный университет*
125993, Россия, Москва, Миус-
ская пл., 6.
E-mail: polinych@yahoo.com

Северская Ольга Игоревна,
кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник
отдела корпусной лингвистики
Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН
119019, Россия, Москва, ул. Волхон-
ка, 18/2
E-mail: oseverskaya@yandex.ru

About the authors:

Bazzhina Tatiana Vadimovna,
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of Theoretical
and Applied Linguistics Chair
Russian State Humanitarian University
6 Miusskaya pl., Moscow, 125993,
Russia
E-mail: bazzhina@gmail.com

Basalaeva Polina Vasilievna,
Postgraduate of Theoretical and Applied
Linguistics Chair
Russian State Humanitarian University
6 Miusskaya pl., Moscow, 125993,
Russia
E-mail: polinych@yahoo.com

Severskaya Olga Igorevna,
Candidate of Philological Sciences,
Leading Researcher of the Department
of Corpus Linguistics
*V.V. Vinogradov Russian Language In-
stitute of Russian Academy of Sciences*
18/2 Volkhonka ul., Moscow, 119019,
Russia
E-mail: oseverskaya@yandex.ru

Дата поступления статьи 06.10.2015